

Сириэл сегодня был в повседневной одежде: облегающая кофта, темный пиджак, узкие брюки и черные кожаные туфли. Лу Цзюэ никогда не разбирался в моде, но даже он признал, что вкус у Сириэла отменный — по крайней мере, выглядело это стильно и, судя по всему, стоило целое состояние.

Заметив, что пуговицы на манжетах Сириэла сделаны из драгоценных камней, Лу Цзюэ мгновенно отбросил мысли о его хорошем вкусе, оставив в душе лишь жгучую смесь зависти и ненависти к богачам.

Что и говорить, разные дороги ведут к разным целям.

Лу Цзюэ уже обдумывал, как бы половчее избавиться от этого хвоста, когда его внимание привлекло небольшое столпотворение неподалеку.

Случайное происшествие — 25 дней до периода течи.

Лу Цзюэ и Ниерва одновременно обернулись на шум, доносившийся из-за угла лестничного пролета.

Было около семи утра. Заключение, которым предстояло рано приступить к работе, потянулись в столовую, и коридоры заметно оживились.

В этой тюрьме даже работа в прачечной, требующая минимум усилий, выматывала до предела. Из-за таких колоссальных нагрузок арестанты очень дорожили завтраком. Столовая работала строго по расписанию, поэтому большинство заключенных придерживались режима питания, который мог бы пристыдить многих молодых людей из мира, где когда-то жил Лу Цзюэ.

Из-за системы поддержания климата на космической станции еду из столовой редко оставляли на потом — никто не хотел слечь с отравлением из-за собственной лени. Если не брать в расчет заоблачные цены на медикаменты, которые были не по карману обычным заключенным, то стоит помнить: здесь не было случайных людей. Даже те, кто выглядел безобидно, на деле оказывались либо подозреваемыми, либо убийцами, совершившими чудовищные преступления. Стоило хоть на миг потерять бдительность, как ты тут же мог лишиться головы.

Даже самый свирепый лев, стоит ему получить рану, будет окружен гиенами, почуявшими кровь, — они набросятся всей стаей и разорвут его в клочья.

Слабых здесь устраняли без промедления. Огромное количество трупов, которые ежедневно вывозили из прачечной, появлялись вовсе не из-за несчастных случаев.

Определение слабости в этой тюрьме всегда было буквальным, будь то временная уязвимость

или постоянная.

Сегодня Лу Цзюэ довелось вместе с Ниервой стать свидетелем типичной для этого места сцены.

Трое заключенных избивали одного раненого.

С точки зрения Лу Цзюэ, эти трое молодых альф были кое-чему обучены в плане рукопашного боя: они знали, где находятся уязвимые точки и куда нужно бить, чтобы причинить максимум боли. Однако, судя по всему, прилежными учениками они не были — техника хромала, в движениях было полно дыр. Против обычного человека их навыков хватало за глаза, но опытный боец разделался бы с ними в два счета.

Вот только на этот раз их жертвой был человек, не владевший никакими приемами, к тому же уже серьезно раненый.

Это был высокий альфа, ростом почти с Ду Ютэ. Но его неуклюжие, трусливые попытки защититься совершенно не вязались с внушительной фигурой. Будучи обычным человеком без боевой подготовки и с поврежденной ногой, он был подобен тигру, которому вырвали когти, — в глазах нападавших он не представлял никакой угрозы.

Вскоре он пал, свернувшись калачиком на полу и инстинктивно прикрывая жизненно важные органы. Свою правую руку он судорожно прижал к груди.

Слишком очевидно. Лу Цзюэ опустил взгляд: выставлять напоказ свою слабость перед врагом, который к тому же питает к тебе глубокую ненависть, — верх неразумности.

Как и предполагал Лу Цзюэ, один из нападавших — коротышка — тоже это заметил. Он жестом приказал сообщникам остановиться, и те, понимая его без слов, замерли.

Несчастный, сбитый с толку внезапным затишьем, на мгновение расслабился. Его глаза заплыли синяками, превратившись в две черные щели, а затылок гудел от недавних ударов — вероятно, у него было легкое сотрясение. Лежа в углу, он сжался в позу эмбриона и не видел злорадных взглядов своих мучителей.

Он осторожно приоткрыл глаза, надеясь, что избиение закончилось, но в этот момент самый крепкий из нападавших схватил его за правую руку. Остальные двое мгновенно навалились сверху, пригвоздив жертву к полу.

Теперь бедолага лежал плашмя. Его конечности были зафиксированы, а голову насильно повернули вправо. Прямо перед его глазами оказалась та самая рука, которую он так старательно защищал: тонкие пальцы, на подушечках — мозоли от постоянного сжатия чего-то привычного.

На ладонь несчастного опустился ботинок в грязном кеде. Мучитель начал медленно давить, и в тишине коридора, казалось, был слышен хруст ломающихся фаланг.

Раздался пронзительный, полный отчаяния крик, от которого у всех присутствующих кровь застыла в жилах. Лу Цзюэ не мог подобрать слов, чтобы описать этот звук — так кричит старая овца, понимающая, что ее режут, и не имеющая сил сопротивляться.

Жертва, которая до этого молча терпела удары, отчаянно забилась. В ответ на безразличие зевак и насмешки нападавших, главный мучитель решил, что медленные пытки — это слишком скучно. Он поднял ногу и со всей силы обрушил ее на руку своей жертвы.

Однако звука раздробленных костей не последовало. Раздался глухой удар. Ниерва приподнял бровь, глядя на Лу Цзюэ, который стоял на месте мучителя, невозмутимо потирая правую ногу. А тот, кто еще секунду назад торжествовал, отлетел к металлической стене, ударился головой и обмяк, истекая кровью. На его лице отпечатался четкий след подошвы — удар был такой силы, что челюсть явно была сломана.

Отличная техника ног, — отметил про себя Ниерва, делая пометку в отчете Сириэла. Затем он перевел взгляд на мужчину, лежавшего на полу: его рука чудом уцелела, хотя три пальца были сломаны. Ничего, за полмесяца заживет, на точность движений в будущем это не повлияет.

Сильное чувство справедливости или психологическая травма в прошлом, — заключил Ниерва, с удовлетворением и легким разочарованием осознавая, что его начальник канцелярии в этот раз не ошибся. В конце концов, такой человек вряд ли мог стать маньяком, убившим тринадцать человек.

Маленький бета, который в одно мгновение вмешался в чужую драку, с бесстрастным лицом обвел взглядом двух оставшихся нападавших. Те, увидев результат, перепугались, отпустили жертву и попятились назад, а затем бросились наутек, даже не взглянув на своего окровавленного сообщника.

Лу Цзюэ оставался невозмутим. Он не жалел о своей вспыльчивости: никто не понимал лучше него, каково это — лишиться мечты из-за увечья.

Он перешагнул через лежащего бедолагу, сделал пару шагов вперед и, не меняя выражения лица, забрал тюремные монеты у вырубленного им громилы. Денег было немного — 348 монет, которые он тут же перевел на свой счет. Скальпель, мелькнувший в рукаве, снова скрылся в складках одежды.

Человеческая жизнь хрупка: достаточно перерезать трахею, и она угаснет так же легко, как глоток воды. В этой тюрьме насилие было в порядке вещей. Позади слышались шаги. Лу Цзюэ выпрямился: убийство — это привычка, а до самоуничтожения с такими привычками рукой подать.

Спасенный им человек уже поднялся и, прихрамывая, сделал пару шагов. Лу Цзюэ бросил на него мимолетный взгляд: парень лет двадцати, высокий, но сутулый, в рваной рубашке и джинсах. Из-за синяков и опухшего лица черты его были почти неразличимы.

— С-спасибо, — прохрипел он сухим, сдавленным голосом.

Лу Цзюэ не удостоил его ответом и направился в сторону столовой, словно все произошедшее было лишь случайным желанием кого-нибудь ограбить.

Ниерва последовал за ним. На повороте он оглянулся на мужчину, который так и остался стоять, опустив голову, и на его лице промелькнула странная улыбка.

Так выглядит человек, прочитавший книгу до конца, когда он слушает тех, кто едва осилил первую главу.

Проникновение — 25 дней до периода течки.

Ниерва шел следом за Лу Цзюэ. Ускорял ли тот шаг или замедлял, Ниерва подстраивался с точностью предсказателя, не спеша и уверенно, словно король, совершающий обход своих владений.

Лу Цзюэ быстро оставил попытки стряхнуть этот хвост. В конце концов, начальник канцелярии первого принца вряд ли будет таскаться за ним весь день.

Если бы Ниерва знал о ходе мыслей Лу Цзюэ, он бы лишь усмехнулся: он с удовольствием провел бы весь день в компании этого беты, и даже нашел бы еще кучу свободных дней для этого (бедный Сириэл, заваленный работой до смерти, в этот момент наверняка рыдал в туалете).

Ниерва смотрел на спину Лу Цзюэ. Тот был очень худым, в мешковатой тюремной робе казался совсем хрупким. Ниерва легко мог представить, что скрывается под этой тканью: тонкий слой мышц, а может, и вовсе полное их отсутствие на талии, словно у изящной женщины. Обнимать такого было бы одно удовольствие — Ниерве всегда нравился такой типаж.

Как фактический правитель Империи Флавиус, Ниерва никогда не страдал от недостатка внимания со стороны красавцев и красавиц. Но покорные создания, ползающие у его ног в мольбах о милости, его никогда не интересовали. Именно поэтому при дворе ходили слухи о его импотенции — разумеется, легко догадаться, кто распускал эти сплетни.

Ниерва не собирался ничего опровергать. Он не стал бы унижать себя, заводя любовника только ради того, чтобы заткнуть рты сплетникам. Высокомерный Ниерва никогда не позволял

обстоятельствам или чужому мнению управлять своими действиями.

Мир считал первого принца амбициозным тираном, жаждущим власти над всем светом. Теории об угрозе Империи Флавиус и тирании ее правителя множились с каждым днем, и, возможно, они не были лишены оснований.

Но сегодня этот будущий диктатор вдруг осознал, что испытывает к этому необычному бете интерес, которого раньше никогда не чувствовал.

Осознав это, Ниерва приподнял бровь. Если поначалу это было лишь легкое желание подчинить, то теперь, с примесью эротических фантазий, все становилось куда интереснее.

Маленький бета? Ниерва легко принял эту мысль. Возможно, ему действительно пора обзавестись парой.

Он вспомнил о помолвке, заключенной шесть лет назад. Его невестой был, кажется, довольно известный своей кротостью и добродетелью омега, но лицо его уже стерлось из памяти. Хотя память у Ниервы была отменной, та встреча была мимолетной, а к таким «канарейкам в клетке» он интереса не питал.

Если посчитать, парню должно быть около двадцати. Ему каждый год присылали альбомы с фотографиями, и Ниерва решил, что по возвращении стоит их найти. Если внешность устроит — можно подумать о свадьбе в конце следующего года.

А потом — наложники, но пусть с этим разбираются Сириэл и свора церемониймейстеров. Его задача — не наплодить бастардов до свадьбы, и он справится с этим как лучший муж в мире, лениво подумал Ниерва.

На самом деле, по плану он должен был уже готовиться к отъезду, чтобы к концу года тихо вернуться в столицу, преподать урок зарвавшимся младшим братьям и сестрам, а в марте убедить отца отречься от престола и взойти на трон. Вместо этого он тратил время, преследуя бету, который даже не смотрел в его сторону.

Но жизнь тем и интересна, что полна перемен, не так ли? Ниерва решил отложить планы. У него было предчувствие, что с этим бетой его ждет что-то любопытное.

Он вспомнил, что заинтересовался Лу Цзюэ после смерти Ци Жуя и победы беты над Ду Ютэ. И после двух встреч интерес только усилился.

Жаль, что Ци Жуй так просто погиб. Один из немногих молодых гениев Федерации, получивших звание академика до тридцати лет, — такой человек пригодился бы в имперских лабораториях. Ниерва собирался пригласить его к себе, но, увы, тот не дождался приглашения. Ниерва не испытал ни капли сожаления.

Он знал, что Лу Цзюэ ищет Клэйли. Мэйэр использовал все свои связи, чтобы помочь, и многие в этой тюрьме искали того же человека. Лу Цзюэ в этой толпе не выделялся.

Ниерва знал, где находится Клэйли, но рассказывать об этом не собирался. В конце концов, Лу Цзюэ его об этом не спрашивал.

Пока эти мысли крутились в голове у Ниервы, Лу Цзюэ зашел в столовую и купил два паровых пирожка... Неужели он такой худой из-за плохого аппетита? — подумал Ниерва. Затем он увидел, как Лу Цзюэ берет два сэндвича, песочное печенье, тосты, йогурт, кукурузные хлопья, салат и огромный кусок пиццы с беконом...

Хм, за пару дней набрал 2,5 кг. Лу Цзюэ, потративший больше двухсот тюремных монет, был доволен. План по набору веса шел успешно, можно было подумать об увеличении физических нагрузок.

Не то чтобы он хотел вернуть прежнюю форму, но хотя бы дотянуть до нижней границы нормы веса — истощение было пугающим. Лу Цзюэ нашел укромный уголок и принялся уничтожать гору еды, заполнившую полстола.

Ниерва сидел напротив и наблюдал за тем, как быстро исчезают калорийные продукты. Ощущения были странными. Если он обнимет Лу Цзюэ и почувствует мягкий жирок... От этой мысли его даже бросило в дрожь — возможно, это будет приятно.

День прошел в бесцельных блужданиях. К вечеру Ниерва вспомнил, что в кабинете скопилась куча работы, которую Сириэл не мог выполнить за него, и с легким сожалением удалился.

Лу Цзюэ, который весь день страдал от присутствия Сириэла, почувствовал такое облегчение, что даже не нашел сил порадоваться.

Единственным утешением было то, что феромоны Сириэла, вероятно из вежливости, были едва уловимы. За целый день Лу Цзюэ к ним привык — если бы та история у дверей повторилась, он бы уже не потерял самообладание. Это была вторая хорошая новость за день, первой же стала продажа старого дома. Отношение Лу Цзюэ к Сириэлу немного смягчилось: из «проблемы, которой нужно избегать» тот превратился в «скучного типа».

Ниерва же, считавший, что прогресс в отношениях с бетой идет отлично, был в прекрасном настроении. Вечером, работая с документами, он не переставал улыбаться, чем поверг в шок подчиненных, присылавших отчеты через оптокомпьютер.

Когда он вернулся в камеру, было семь вечера. Ду Ютэ и Мэйэр уже были на месте. Мэйэр, как всегда, выглядел безупречно, словно обедневший аристократ, собиравшийся на бал.

Ду Ютэ выглядел как обычно, но Лу Цзюэ заметил в его глазах возбуждение — похоже, он

тоже ждал вылазки в Западный сектор.

Часы показывали восемь — время комендантского часа. Трое мужчин переглянулись, открыли дверь камеры и вышли.

Надеюсь, они смогут найти Клэйли за ближайшие несколько дней или хотя бы узнают, как получить товар, когда тот прибудет в тюрьму.

Ветер — 19 дней до периода течки.

Первая федеральная тюрьма, три часа дня, Восточный сектор, теплицы. Лу Цзюэ лежал на скамье в коридоре, глядя в пустоту с выражением полного экзистенциального кризиса.

Если использовать популярное в его прошлом мире выражение: он превратился в соленую рыбу, лишенную всяких желаний.

Шесть дней назад, с помощью Проводника, они за час перебрались из Восточного сектора в Западный. Внешним помощником, которого нашел Мэйэр, оказалась старая знакомая — Томирис, альфа-женщина, староста пятого блока на втором этаже, та самая, что лечила «Ядовитую змею». Благодаря ей в Западном секторе у них не возникло особых проблем.

Хотя Томирис была лишь старостой второго блока, ее медицинские навыки были непревзойденными, а в ее подчинении находилась целая команда медиков, которой завидовали все. В тюрьме, где лекарства были на вес золота, она была самым желанным человеком, и даже верхушка третьего блока выказывала ей уважение — никто не знал, когда ему понадобится помощь врача.

На самом деле Томирис тоже искала Клэйли. Запасы ее лекарств истощались, а для врача отсутствие медикаментов — пытка. Она хотела найти Клэйли даже больше, чем Лу Цзюэ.

Они искали пять дней. Сначала осторожно, а последние три — открыто. Они просмотрели лица тысяч заключенных на первом этаже. Убедившись, что никого не упустили, Лу Цзюэ был вынужден признать поражение: Клэйли они не нашли.

Впрочем, результат был предсказуем. Многие знали, что Клэйли, возможно, жив и скрывается на первом этаже, и у многих из этих людей было достаточно ресурсов, чтобы перерыть весь сектор. До них здесь уже не раз устраивали облавы, но безрезультатно. Если Клэйли решил сменить личность и спрятаться, значит, он был уверен, что его не найдут.